Сергей Астафьев

Шахматы вселенной: чёрные фигуры

книга вторая

Сергей Астафьев

Шахматы вселенной: чёрные фигуры

«Автор»
2026

Астафьев С.

Шахматы вселенной: чёрные фигуры / С. Астафьев — «Автор», 2026

Десять лет назад четыре расы прошли лабиринт Архитекторов и заключили мир. Теперь колонии одна за другой исчезают в Штиле — областях, где звёзды мерцают в пустоте, облака стоят на месте, а жизнь замирает.Штурман контрабандистского корабля «Сорока» Матвей Ланской вылавливает у кромки Штиля предмет старше Солнца и оказывается втянут в продолжение партии, которую начали Лиантары. Против четырёх рас играет последний из древних хранителей, и страшнее всего в нём то, что он может оказаться прав: каждый прыжок между звёздами оставляет трещину на доске, где живут все.Анне Маркессо, Сефир'Алу, Храхс'Тхе и Криста'Лин нужно найти ход, которого не предвидел противник, пока Отдел Наследия Федерации готовит собственное оружие.Вторая книга цикла «Шахматы вселенной»: космические приключения, реальная наука о вакууме, пульсарах и звёздах-чёрных дырах, юмор и выбор, за который придётся платить.

© Астафьев С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Действующие лица 5
Пролог 6
Часть первая. Дебют 8
Глава 1. Кромка 8
Глава 2. Протокол «Щит» 12
Глава 3. Колокола врут 15
Глава 4. Поединок до признания 18
Глава 5. Песнь о Плотине 21
Глава 6. Барахолка 24
Глава 7. Ход чёрных: Фигура найдена 28
Глава 8. Ключ 30
Часть вторая. Миттельшпиль 34
Глава 9. Ирида 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Сергей Астафьев
Шахматы вселенной: чёрные фигуры

Действующие лица

Экипаж «Сороки» — вольного торговца, пузатого, как старый термос, и вечно в долгах:

Матвей Ланской, 29 лет, штурман. Отчислен из Академии за слишком точный перевод. Читает лиантарские знаки лучше всех живых людей. Рассказчик этой истории.

Фрида Ольсен, капитан. Бывший военный пилот, жуёт пустую трубку, торгуется со всеми, включая смерть.

Дол'Мирр (Дол), пилот-каркозан. Говорит медленно, как все каркозаны, а думает и действует быстро.

Щёлк, бортмеханик-зинтарий. Не любит драться, любит чинить и готовить. Носит с собой сковороду.

Пуговица — проводник, шестилапый зверёк с бирюзовой шерстью. Ест медь.

Старые герои (книга первая, «Наследие Лиантаров»):

Анна Маркессо, 44 года, вице-адмирал Федерации. Героиня лабиринта. Левое запястье ноет к перемене погоды.

Сефир'Ал, аэларий, существо из света, десять лет живущее в человеческом теле. Учится ходить по льду и чихать.

Храхс'Тха, вождь зинтарийской колонии Хиз'Так. Ввёл обычай «поединка до признания».

Криста'Лин, каркозанка, вдова Тарк'Рана, погибшего в лабиринте.

Зи'Кор, отец Тарк'Рана, старейшина Каркоза. Очень медленный, но не слепой.

Лиран'Тай, аэларий, друг Сефир'Ала.

Крейсер «Горизонт»: капитан **Линн Картер**; главный инженер **Виктор Дрейк**, который разговаривает с двигателями, как с роднёй; старпом **Хао Мэй**.

Федерация: **Эрик Ханн**, директор Отдела Наследия; **генерал Брайс**; **адмирал Тенса**, председатель Совета; **профессор Илья Гурвич**, астрофизик с Байкала.

Зинтарии: **Ки'Зарк** из Старых нор, противник Храхс'Тхи; **Мать Старых нор**; **Тш'Ка**, старый помощник Храхс'Тхи, знаток человеческих пословиц.

Каркозаны: **Ар'Гхолл**, старейший в Совете.

Ткачи с планеты Ирида: **Ооло**, старший над нитями, философ и торговец.

Лиантары, древние строители: **Зе'Раан**, хранитель чёрных; **Фа'Элла**, хранительница белых;

Тень — автомат, который играет за Зе'Раана по правилам.

Расы и их прозвища друг для друга: люди — Песочные, Мягкие, Многоликие; каркозаны — кристаллические существа, Камни; зинтарии — шестилапые хитиновые, Жуки, Шум; аэларии — существа из света, Светлые, Шёпот.

Пролог

Ил'тхарен нуа Зе'Раан лахвен Лиантари'аш. Аэ фа'лера кри'сан ала ва'шах вар'линтари, нен'ши зе'тан кала'зирн ва'тэр. Аэ вири ала'суа крива'лен, ала нуа фа'лен ил'шар эста ва'шах. Фа'энне ил'тари зе'тан нуа лабир'энн, ала аэ сен'ла фа'ри. Нен вири кхар'ин эста ми'тар, ил'шен нуа вар'линтари хра'тан. Фа'энне зе'тан. Ил'тхарен кхар'ин зе'тан ва'ри.

Перевод:

Я — Зе'Раан, хранитель знаний Лиантаров, и из нас троих я единственный, кто ещё не устал спорить.

Ира'Тайя говорил вам о гармонии. Он всегда говорил красивее меня, и вы ему поверили. Я хочу рассказать о том, о чём он промолчал.

Мы тоже были молоды. Мы тоже однажды научились прокалывать пространство и радовались этому, как ребёнок радуется первому ножу. За сто тысяч лет мы прошли галактику насквозь, и каждый прыжок оставлял в ткани мира след, тонкий, как царапина на стекле. Когда мы заметили царапины, стекло уже звенело.

Тогда мы построили Плотину. На неё ушло больше лет, чем есть у вашего вида истории, и половина нашего народа. Мы отказались от прыжков и научились ходить от узла к узлу медленно, как ходят паломники. Это было самое трудное из всего, что мы сделали, и единственное, чем я горжусь.

Вы нашли наши двигатели в руинах и починили их. Вы очень способные, я говорю это без насмешки. За двадцать лет вы прыгнули столько раз, сколько мы прыгали за тысячелетие, и стекло звенит снова.

Ира'Тайя верил, что вы научитесь беречь раньше, чем разобьёте. Я не верил тогда и не верю сейчас. Мы договорились проверить. Вы прошли лабиринт, и я честно признаю: когда вам страшно, вы умеете держаться друг за друга. Удержать доску этим нельзя. Для этого нужно уметь отказываться от того, что любишь, а этому вы пока не учились.

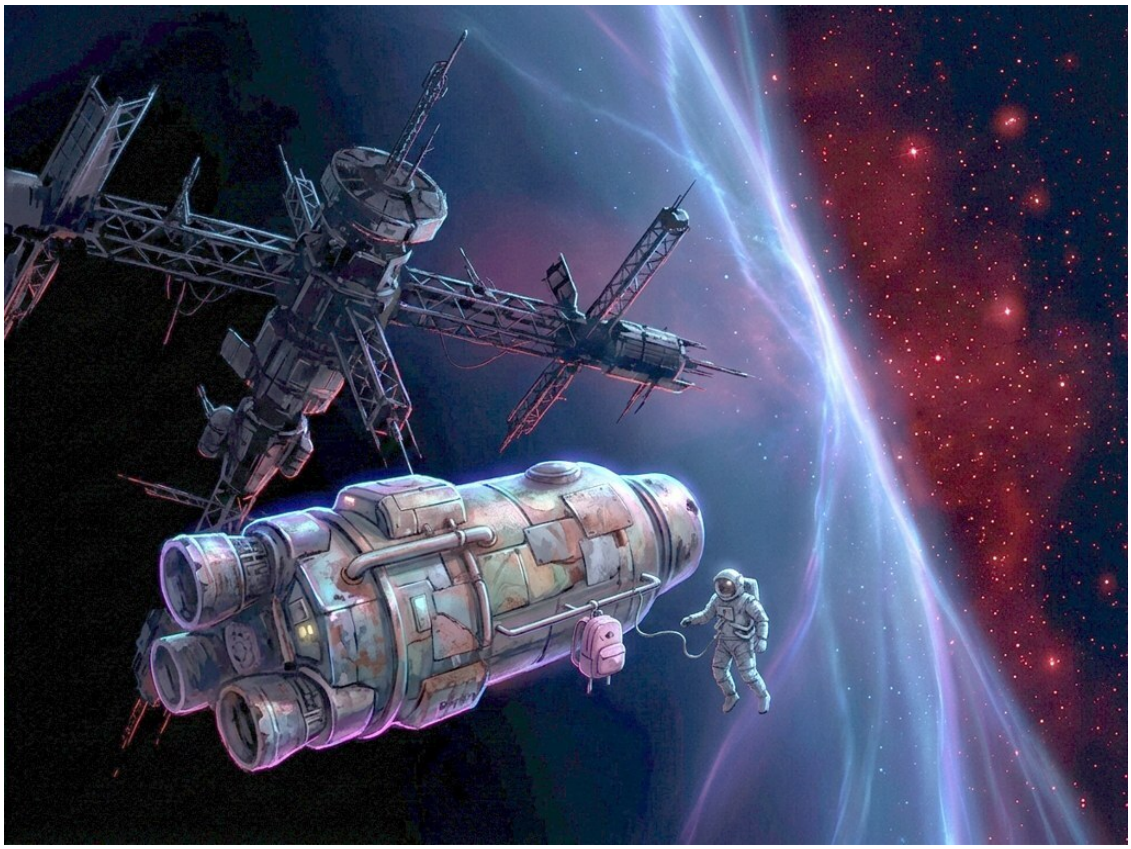
Вы назовёте меня врагом. Я не обижусь: так называют любого, кто встаёт между ребёнком и огнём.

Партия продолжается по правилам, о которых мы условились. Белые сделали ход. Теперь мой.

Зе'Раан, хранитель чёрных

Часть первая. Дебют

Глава 1. Кромка

Если бы мне тогда сказали, что через год я буду предлагать ничью существу, которое старше нашего Солнца, я попросил бы у Фриды аванс и ушёл в запой на Барахолке. Но мне никто ничего не говорил. Мне было двадцать девять, я служил штурманом на вольном торговце «Сорока», был должен капитану четыреста кредитов и висел вниз головой в шлюзе мёртвой станции, откручивая от стены блок фильтров.

Станция называлась «Вереск-орбитальная» и принадлежала колонии, которой больше не было. Точнее, колония была: она лежала внизу, на дневной стороне планеты, аккуратная, как макет в музее, с куполами теплиц и прямыми улицами. Год назад она перестала отвечать. Ещё через месяц Федерация объявила систему закрытой, а вольные торговцы, как водится, поняли объявление по-своему: раз сюда никто не летает, охранять здесь нечего, а раз нечего охранять, можно брать.

— Матвей, сколько ещё? — спросила Фрида в наушнике.

— Два болта. Один упрямый.

— Упрямых болтов не бывает. Бывают ленивые штурманы. До окна семнадцать минут.

Окном она называла промежуток, когда спутник-ретранслятор Федерации уходил за планету. Спутник, скорее всего, тоже был мёртв, но Фрида никогда не проверяла на себе то, что можно было проверить на других.

Я открутил упрямый болт, сунул блок в сетку и выглянул в иллюминатор. Отсюда кромку было видно как на ладони. Её ни с чем не спутаешь, если хоть раз видел: за ней мерцают звёзды.

Любой первокурсник знает, что в космосе звёзды светят ровно. Мерцание — работа воздуха, который дрожит над нагретой землёй, а в вакууме дрожать нечему. Здесь, у Вереска, звёзды за определённой линией вздрагивали, как свечи на сквозняке, и были чуть краснее, чем им полагалось. Сама линия светилась голубым, так слабо, что глаз терял её, если смотреть прямо. Внизу, под этой границей, над колонией висели облака. Я смотрел на них каждый раз, когда мы сюда прилетали, и каждый раз они висели на тех же местах.

Учёные называли это Штилем. На Барахолке говорили проще: Тьма. Ни одно из названий не объясняло, почему облака не двигаются уже год.

— Готово, — сказал я. — Иду обратно.

— Не иди, а лети, — ответила Фрида. — И ничего не трогай по дороге.

Я, конечно, тронул. На выходе из шлюза меня развернуло, и я схватился за поручень, на котором висел детский рюкзак, пристёгнутый карабином. Розовый, с вышитым лисёнком. Я отпустил поручень и пару секунд просто висел рядом.

С тех пор прошло много лет. Я уже не помню, сколько мы тогда сняли со станции и за сколько продали. Рюкзак помню.

«Сорока» ждала у причальной фермы, пузатая, вся в заплатах, похожая на старый термос, к которому приварили двигатели. Дол держал её в трёх метрах от фермы с точностью, которой позавидовал бы автопилот военного крейсера. Я влез в шлюз, стянул шлем и почувствовал запах.

— Щёлк, — позвал я. — Что это?

Из машинного отсека высунулась плоская хитиновая голова с гроздью глаз, и транслятор у него на груди бодро сообщил:

— Обед. Грибы. Личинки. Жарено. Хорошо.

— Чьи личинки?

Транслятор помолчал, словно советуясь с хозяином.

— Не твои, — сказал он наконец.

Щёлк был зинтарием, а на «Сороку» попал по той же причине, что и все мы: дома его не ценили. Он не любил драться. Для зинтария это примерно как для человека не любить дышать, и выводок выставил его за порог вместе с ящиком инструментов. Чинил он что угодно. Готовил тоже что угодно, и это было хуже.

На мостике Фрида сидела в капитанском кресле, закинув ногу на ногу, и жевала пустую трубку. Курить на «Сороке» запрещали её собственные правила; она их соблюдала и страдала публично. Перед ней на экране висело лицо скупщика с Барахолки, круглое и обиженное.

— Фильтры третьего класса, Фрида, — говорил скупщик. — Красная цена им сорок за штуку.

— Это фильтры с Вереска, Сеня. Им цена сорок плюс легенда. Колония-призрак, последний вздох, сувенир для коллекционеров. Шестьдесят.

— Сорок пять.

— Пятьдесят пять, и я не рассказываю твоей жене, где ты брал прошлую партию.

— Пятьдесят, — сказал Сеня. — И ты чудовище.

— Пятьдесят два. Про чудовище я знаю.

Она отключилась, не прощаясь, и посмотрела на меня.

— Сколько?

— Восемь блоков.

— Четыреста шестнадцать. Поздравляю, долг закрыт, можешь начинать новый. Дол, уводи.

Дол сидел за пультом пилота, сложив себя втрое: иначе четырёхметровый каркозан в нашу рубку не помещался. Рядом с ним всегда было немного светлее, потому что грани его тела ловили огни приборов и рассыпали их по потолку. Он медленно повернул голову.

— Ка-пи-тан… — начал он.

Каркозаны говорят медленно, так устроено их тело: звук рождается в кристаллической решётке и раскачивается неторопливо, как колокол. Дол был молод для своего народа, ему едва исполнилось сто девяносто, и у него была «быстрая огранка» — врождённая особенность, из-за которой он думал и двигался со скоростью человека, а не скалы. Дома это считалось уродством. У нас это был лучший пилот, какого Фрида могла себе позволить.

— …на радаре… — продолжал Дол.

Его пальцы уже бегали по пульту.

— …объект.

Я подошёл к экрану. Из-за кромки, из самого Штиля, выплывало что-то тёмное, веретенообразное, метров восьми длиной. Оно шло ровно, носом вперёд, без того беспорядочного кувыркания, которым выдаёт себя любой обломок.

— Мусор, — сказала Фрида.

— Из Штиля мусор не выходит, — сказал я. — Оттуда вообще ничего не выходит.

— Значит, это первый, который вышел. Дол?

— Ор-би-та… — сказал Дол, и рядом с объектом развернулась схема.

Орбита была странная. Объект шёл мимо Вереска, насквозь через систему, и плоскость его пути совпадала с плоскостью галактики так точно, будто его провели по линейке. Спектрометр Щёлк когда-то собрал из двух списанных, врал этот прибор процентов на пять, но даже с такой поправкой выходило, что поверхности этой штуки около шести миллиардов лет. Солнцу — четыре с половиной.

Я вспомнил первый курс Академии и профессора Гурвича в мятом свитере. Он рассказывал про комету 3I/ATLAS, открытую в далёком две тысячи двадцать пятом: орбита подозрительно близко к плоскости планет, возраст, возможно, больше солнечного. Тогда нашлись горячие головы, которые кричали про зонд пришельцев, и серьёзные люди за полгода доказали, что это обычная комета. «Запомните, Ланской, — сказал Гурвич и почему-то посмотрел именно на меня, — в девяноста девяти случаях из ста это комета. Ваша задача — не перепутать сотый».

— Это не комета, — сказал я вслух.

— Это деньги, — сказала Фрида. — Щёлк, захват.

— Захват. Плохо. Чинил, — доложил транслятор из машинного.

— Так хорошо или плохо?

— Чинил плохо. Работает хорошо. Наверное.

Захват сработал с третьей попытки. Объект лёг в держатели мягко, и сквозь палубу я почувствовал вибрацию, очень низкую, на грани слуха. Будто где-то далеко за стеной взяли на органе одну ноту и не отпускали.

— Ты это слышишь? — спросил я.

Фрида не ответила. Она смотрела на радар, где возле планеты одна за другой загорались три зелёные точки.

Корабли выходят из прыжка некрасиво. Пространство вокруг точки выхода на долю секунды мутнеет, как вода, в которую плеснули молока, и сенсоры захлёбываются. Когда муть рассеялась, на экране висели три патрульных катера с эмблемой, которую на Барахолке знал каждый: раскрытая ладонь, над ней звезда. Отдел Наследия.

Экран связи включился сам, без запроса. У Отдела были коды, перед которыми любой гражданский передатчик открывается, как консервная банка.

— Вольный торговец «Сорока», — сказал лейтенант с очень гладким лицом. — Система Вереск закрыта по решению Совета Федерации. Вы задержаны. Заглушите двигатели и приготовьтесь передать груз.

Фрида вынула трубку изо рта и посмотрела на неё так, будто трубка её чем-то разочаровала.

— Какой груз? — спросила она.

Лейтенант моргнул.

— У вас на борту…

— Дол, — сказала Фрида, не отключая связь. — Покажи лейтенанту, какой у нас груз.

Дол уже вёл корабль. Он развернул «Сороку» на месте и бросил её туда, куда в здравом уме не полетел бы никто: вдоль кромки, в двадцати метрах от голубой линии. Звёзды справа мерцали. Патрульные катера разом отвалили в стороны, как отваливают от края обрыва.

— …ту-да… — договорил Дол, когда мы прошли уже полкилометра. — …они… не… пой-дут.

Он оказался прав, они не пошли. А я, прижатый перегрузкой к переборке, увидел в иллюминатор то, чего потом не видел никто из нас. Облака над колонией Вереск впервые за год сдвинулись. Совсем чуть-чуть, будто кто-то на той стороне выдохнул.

Глава 2. Протокол «Щит»

Бюст стоял в главном коридоре станции «Нейтраль», между оранжереей Каркозанов и шлюзом в зинтарийский сектор, и Анна Маркессо каждое утро проходила мимо него, глядя в пол. Голографический, в полтора человеческих роста, он изображал её десятилетней давности: короткая стрижка, подбородок вперёд, взгляд устремлён в светлое будущее. Скульптор, видимо, никогда не видел, как она выглядит после ночи над отчётами, и Анна была ему за это почти благодарна.

— Опять не здороваетесь, — заметил дежурный техник, парень с Титана. — Она обижается.

— Пусть подаст жалобу по форме, — сказала Анна.

За десять лет мира она выучила две вещи. Легенду нельзя уволить, её можно только поставить в коридоре. И чем красивее легенда, тем меньше её слушают на заседаниях. Анну звали открывать школы, провожать корабли и выступать на похоронах. На совещания, где решалось, куда эти корабли полетят, звали всё реже.

Перед заседанием она зашла в «Пятую сторону». Бар занимал стык четырёх секторов, поэтому атмосфер в нём было четыре, и разделяли их прозрачные силовые занавеси. У людей пахло кофе. У Зинтариев было жарко и темно, как в печи. У Каркозанов стояла такая тишина, что звякнувшая ложка звучала там как выстрел. А в углу Аэлариев всегда висел мягкий свет, и туда никто не садился из вежливости.

Сегодня свет не горел. Анна смотрела на тёмный угол дольше, чем следовало.

— Третью неделю так, — сказал бармен, протирая стакан. — Ушли и лампу выключили. Плохая примета, адмирал.

— Я не верю в приметы.

— Я тоже. Но лампу жалко.

Зал Совета четырёх строили так, чтобы ни у кого не было места во главе стола. Он был круглым, кресла делегаций стояли по кругу на равном расстоянии от центра, где висела карта обжитой части галактики. Председательствовали по очереди, в этом году — адмирал Тенса, сухой, вежливый человек, который больше всего на свете хотел дотянуть мир до следующих выборов.

Места Аэлариев пустовали. Там стояли две сферы из мутного стекла, через которые раньше говорили их представители, и сферы были тёмными. Каркозанскую делегацию составляли двое старейшин, похожих на два ледника, которые согласились посидеть. Зинтарии прислали одного делегата лично и одного по связи. Лично прибыл Ки'Зарк, высокий, в шрамах, с левой хватательной конечностью, обожжённой когда-то до черноты. Анна помнила его имя по отчётам десятилетней давности: командир отряда, который должен был взорвать источники барьера на Оке Хаоса и пропал. Пропал он, как выяснилось, не навсегда. Вместо Храхс'Тхи над соседним креслом мерцала голограмма с Наг'Тара, и по краю изображения бежала рябь помех.

Делегация Федерации сидела втроём: Анна, генерал Брайс и Эрик Ханн.

Ханн за десять лет почти не изменился. Поседели виски, стал дороже костюм, и вместо звания коммандера появилась должность директора Отдела Наследия. Осталась манера говорить спокойно, будто зачитывает прогноз погоды, с которым глупо спорить.

— Четыре колонии за полтора года, — сказал он, и на центральной карте вспыхнули четыре красных пятна. — Вереск, Ламберт-девять, Тихая Гавань, Шх'Тар. Последний, напомню, зинтарийский. Мы до сих пор не знаем, что такое Штиль. Знаем одно: каждый возник рядом с лиантарским объектом. Протокол «Щит» передаёт все известные объекты Архитекторов под охрану флота Федерации до тех пор, пока мы не поймём, с чем имеем дело.

— Объекты Архитекторов по договору принадлежат четырём расам, — сказала Анна. — Вы предлагаете отдать их одной.

— Я предлагаю их охранять. — Ханн развёл руками. — Аэларии ушли и выключили свет. Каркозаны, при всём уважении, думают. Зинтарии, как видим, спорят между собой. Кто-то должен стоять у двери, пока остальные заняты.

— Десять лет назад к одной планете пришли четыре флота, — сказала Анна. — Каждый хотел охранять её от других. Нас за это бросили в лабиринт. Вы предлагаете то же самое, только с одним флотом, и называете это щитом.

В зале стало тихо. Голограмма Храхс'Тхи щёлкнула, и транслятор перевёл:

— Хорошо сказано. Добавлю: нет.

Ки'Зарк повернул голову к голограмме, и все его глаза разом поймали свет карты.

— Вождь Хиз'Така говорит «нет» из норы, — сказал он. — Он всегда говорит «нет» из норы. А Шх'Тар молчит уже два месяца. Там был выводок моего брата. Я голосую за любого, кто будет стоять у двери.

Тенса объявил голосование. По регламенту на ответ давалось три минуты, и Анна, считая голоса, почувствовала, как у неё заныло левое запястье, старый перелом из лабиринта. Оно всегда ныло к перемене погоды, даже здесь, где погоды не было.

За — Ханн, Брайс, Ки'Зарк. Против — Анна, Храхс'Тха и первый каркозанский старейшина, который произнёс своё «нет» так медленно, что оно прозвучало как приговор. Второй старейшина, Ул'Морр, начал отвечать:

— Мы… полагаем… что вопрос… о двери… содержит… в себе…

Через три минуты Тенса мягко постучал по столу.

— Время вышло. Делегат Ул'Морр воздерживается.

— …ещё… один… вопрос… — продолжал Ул'Морр, не услышав.

Три голоса против трёх. Аэларии отсутствуют. По уставу решающий голос оставался за председателем, и Анна увидела, как Тенса посмотрел сначала на неё, потом на Ханна, и поняла, что он уже решил, ещё до заседания.

— Принимается, — сказал Тенса. — Временно, сроком на шесть месяцев.

Ничего нет постояннее временных мер. Это Анна знала ещё со времён Академии.

После заседания она заперлась в своём кабинете и вызвала «Горизонт». Квантовая связь соединила мгновенно, и на экране появилась Линн Картер, загорелая, с новой сеточкой морщин у зелёных глаз. Пять лет назад она приняла «Горизонт» у Анны и с тех пор называла его «наш», хотя по документам он был её.

— Слышала, — сказала Линн вместо приветствия. — Весь флот уже слышал. Брайс разослал поздравления. Нам велено готовиться к переводу в охрану объектов.

— Каких?

— Пока не сказали. Сказали готовиться. — Линн обернулась через плечо. — Виктор, иди сюда, расскажи ей. Тебе всё равно никто больше не верит.

В кадр втиснулся Виктор Дрейк, главный инженер, лысый, широкий, с вечным пятном смазки на скуле. Он ничуть не постарел, потому что был старым всегда, сколько Анна его помнила.

— Адмирал, — сказал он. — Двигатель чихает.

— Он сломан?

— Если бы. Сломанный я бы починил. Он чихает. Через сорок секунд после выхода из прыжка мощность проваливается на долю процента и сразу возвращается. Как будто его кто-то держит за хвост и отпускает. Двадцать лет я с этими двигателями живу, они так не делали никогда. Я спросил ребят с «Дальнего» и с «Кассиопеи». У них то же самое, и началось примерно год назад.

— Что говорит производитель?

— Производитель говорит, что это в пределах допуска. — Дрейк фыркнул. — У меня тёща тоже была в пределах допуска.

— Виктор, — сказала Линн.

— Молчу. Но запишите, адмирал: если двигатель чихает, значит, у него что-то в носу. Я бы хотел знать что.

Анна пообещала узнать и отключилась. Минуту она сидела, глядя в погасший экран. Потом вышла в коридор, чтобы пройтись, и у бюста столкнулась с Ханном. Он стоял перед голограммой, заложив руки за спину, и разглядывал её подбородок с интересом искусствоведа.

— Похоже, — сказал он. — Только вы сейчас добрее.

— Сейчас я злее, Эрик. Просто научилась это прятать.

— Тогда тем более похоже. — Он повернулся к ней. — Не держите на меня зла за голосование. Мы хотим одного и того же, адмирал, просто я тороплюсь, а вы нет.

— Мы хотим разного. Вы хотите, чтобы у двери стояли вы.

Ханн улыбнулся. У него была та же улыбка, что десять лет назад на мостике «Горизонта», когда он сказал ей «разумеется»: вежливая, а под ней что-то, чего она так и не смогла назвать.

— Кстати, — сказал он, словно вспомнив пустяк. — Мой патруль на днях упустил у Вереска контрабандистов. Мелкий вольный торговец, ничего особенного. Только мне докладывают, что они вытащили из Штиля что-то целое. Из Штиля, адмирал. Оттуда до сих пор не выходило ничего. — Он помолчал. — Если вдруг ваши старые друзья обратятся к вам с интересной находкой, Протокол теперь обязывает вас сообщить мне. Вы ведь знаете.

— Знаю, — сказала Анна.

Ханн кивнул и пошёл по коридору, не оглядываясь. Анна смотрела ему вслед и думала о том, что за всё время разговора он ни разу не моргнул, пока ждал её ответа. Он не сообщал ей новость. Он проверял, знает ли она её.

Запястье ныло. Погода, которой на станции не было, определённо менялась.

Глава 3. Колокола врут

В феврале байкальский лёд прозрачен на метр вглубь, и под ним видно, как в зелёной темноте висят пузырьки воздуха, застывшие на полпути к поверхности. Сефир'Ал учился ходить по этому льду третью зиму и третью зиму падал. Падение, считал он, было лучшим из известных ему способов узнать, что у тела есть спина.

Он лежал, раскинув руки, смотрел в небо и ждал, когда пройдёт звон в затылке. Над ним стоял профессор Гурвич в тулупе поверх своего вечного мятого свитера и не торопился помогать.

— Пятьсот лет, — сказал Гурвич. — Пятьсот лет вы держали в равновесии звёзды, а на коньках стоять не можете.

— Звёзды не скользят, Илья Маркович.

— Скользят, ещё как. Это я вам как астрофизик говорю. — Гурвич протянул руку. — Вставайте, у меня для вас плохая новость.

Сефир'Ал встал, держась за его рукавицу, и чихнул. Он до сих пор считал чихание лучшим изобретением биологии: внезапным, бессмысленным и совершенно неподвластным воле. За десять лет в теле он так и не научился чихать по желанию и втайне этим гордился.

— Будьте здоровы. Тёмная энергия слабеет, — сказал Гурвич.

— Она слабеет уже лет двести.

— Вот именно. Ещё в двадцать первом веке на обзоре DESI заметили, что она, возможно, ослабевает. Тогда это было «возможно» и три сигмы, все спорили и защищали диссертации. С тех пор мы построили телескопы размером с хорошее озеро и знаем точно: слабеет. А почему, не знает никто. Сегодня пришли новые данные, и она слабеет быстрее, чем вчера. Ненамного. Но мне за это не платят.

— Может быть, вселенная просто дышит, — сказал Сефир'Ал. — Вдох длиной в несколько миллиардов лет.

— Вам хорошо говорить, вы пятьсот лет живёте, вам любой ритм естественный. — Гурвич поёжился. — Пойдёмте в тепло. Вы опять спали ночью?

— Опять умирал на восемь часов. — Сефир'Ал пошёл за ним осторожно, мелкими шагами, как ходят по льду старики и бывшие энергетические существа. — Я по-прежнему не понимаю, почему людям это нравится.

— Нам нравится просыпаться, — сказал Гурвич. — Это немного другое.

Институт стоял на берегу, длинный и низкий, с куполами антенн на крыше. В подвале, где когда-то держали нейтринный детектор, теперь сидела лаборатория пульсаров. Сюда стекались данные сети радиотелескопов, которые слушали сотни пульсаров по всей обжитой части галактики и записывали время прихода каждого импульса с точностью до наносекунды. Гурвич называл это «бухгалтерией вселенной». Сефир'Ал называл это колоколами.

Для людей пульсары были вращающимися нейтронными звёздами, маяками размером с город, которые вспыхивали по сотне раз в секунду и не ошибались никогда. Ещё в двадцать первом веке по едва заметным сдвигам их импульсов астрономы поняли, что пространство колышется, как поверхность озера под ветром: через галактику идут медленные гравитационные волны от далёких пар чёрных дыр. Для Аэлариев пульсары всегда были колоколами. По ним сверяли время, по ним настраивали сферы, их звон был первым, что Сефир'Ал услышал, когда его сознание проступило из энергии Тир'Аала полтысячи лет назад.

Он сел в кресло, надел наушники и закрыл глаза. Человеческие уши слышали только преобразованный сигнал, щелчки разной высоты, но под ними, где-то в той части его, которая до сих пор оставалась светом, звучало настоящее. Сотни колоколов. Каждый со своим голосом,

и все вместе чуть-чуть покачиваются на волнах пространства, согласно и плавно, как лодки у одного причала.

Аль'Торна врал.

Это был тот самый пульсар, у которого он когда-то медитировал вместе с Лиран'Таем, глядя, как ослабевает и восстанавливается энергия соседней звезды. Колокол с низким, чистым голосом. Теперь в этом голосе появилась фальшь. Импульсы приходили чуть раньше или чуть позже, чем полагалось, и это было не общее колыхание, которое качало все колокола сразу. Аль'Торна сбивался по-своему.

— Илья Маркович, — позвал Сефир'Ал, не открывая глаз. — Аль'Торна. Вы видите отклонения?

Гурвич подошёл, посмотрел в монитор, пожевал губами.

— Вижу. Гравитационно-волновой фон, плюс шум, плюс у вашего Аль'Торны, вероятно, звёздотрясение. Нейтронные звёзды иногда вздрагивают, у них кора трескается. Обычное дело.

— Звёздотрясение звучит иначе. Оно один раз. А здесь… — Сефир'Ал поискал человеческое слово. — Здесь ритм. Сдвиги складываются в группы. Группы повторяются.

— Повторяются, — сказал Гурвич без всякого выражения.

— Через каждые одиннадцать тысяч импульсов.

Гурвич помолчал, потом сел за соседний терминал и начал что-то считать. Он считал минут двадцать, бормоча под нос, и Сефир'Ал не мешал ему. Наконец профессор откинулся на спинку стула.

— Вот что, Сефир, — сказал он. — Я вам ничего не говорил, а вы ничего не слышали, пока я не проверю это ещё раз. Потому что если вы правы, кто-то модулирует нейтронную звезду. А это, знаете ли, не соседский мальчишка с фонариком.

— Кто мог бы это прочесть? — спросил Сефир'Ал.

Гурвич снял очки, протёр их краем свитера и надел обратно. Он всегда так делал, когда собирался сказать что-нибудь, о чём потом пожалеет.

— Был у меня один студент. Ланской. Читал лиантарские знаки так, будто родился с ними во рту, лучше меня, лучше всей кафедры. Его выгнали с последнего курса, и в этом, скажем так, отчасти виноват я. Он перевёл в отчёте мои пометки на полях таблички, а я на тех полях был не очень вежлив с деканом. — Гурвич вздохнул. — Говорят, он теперь штурманом на каком-то вольном торговце. Возит то, что плохо лежит. На мои письма не отвечает, и я его понимаю.

— Вы бы ему написали ещё раз.

— Я ему писал семь раз, Сефир. Гордость у мальчика больше, чем у меня, а это, поверьте, достижение.

Ночью Сефир'Ал не спал, хотя тело просило. Он сидел у окна своей комнаты, смотрел на лёд, белый под луной, и слушал Аль'Торну по памяти. Около трёх часов над льдом, метрах в тридцати от берега, загорелся свет.

Он был совсем слабым, слабее светлячка, и любой человек принял бы его за отблеск фонаря. Сефир'Ал узнал его сразу, как узнают шаги близкого в соседней комнате. Он выбежал на берег в одной рубашке, поскользнулся, упал, поднялся и пошёл к свету, уже не думая о льде.

— Лиран'Тай.

Свет дрогнул и стал чуть ярче. Голос пришёл не в уши, а куда-то под сердце, туда, где у Сефир'Ала ещё жила память о коллективе.

— Здесь… думается… что тебе холодно.

— Мне холодно, — согласился Сефир'Ал и засмеялся, и пар вылетел у него изо рта. — Это ничего. Это тело. Ты пришёл. Тебе ведь нельзя.

— Нам нельзя. — Свет качнулся, будто кивнул. — Совет решил: отпавший — тот, кого не слышат. Совет готовит Отступление. Сферы сомкнутся. То, что случится снаружи, будет случаться без нас.

— Когда?

— Скоро. Здесь… не знают слова для твоего «скоро». Раньше, чем ты успеешь много раз умереть на восемь часов.

Сефир'Ал опустился на колени, чтобы быть ближе к свету. Лёд под коленями был прозрачный, и под ним, в темноте, висели неподвижные пузырьки.

— Почему вы уходите?

— Потому что слышим колокол, который врёт. — Голос Лиран'Тая стал тише. — Совет слышит его давно, дольше, чем ты. Совет решил не слушать. Здесь думается, что это неправильно. Поэтому пришли. Узор в Аль'Торне построен по-лиантарски, Сефир'Ал. Кто-то из Древних говорит. И говорит не с нами.

— С кем?

Свет помолчал.

— Здесь думается… что с вами. С Многоликими и с теми, кто прошёл лабиринт. — Пауза. — Скажи. Что такое чихать?

Сефир'Ал не сразу понял вопрос, а потом понял и почувствовал, как у него щиплет в глазах. Это тоже было тело, и с этим он тоже ничего не мог поделать.

— Это когда тело делает что-то само, без тебя, и тебе от этого хорошо, — сказал он. — Останься. Я покажу.

— Нельзя. — Свет начал гаснуть. — Слушай колокол, Сефир'Ал. Здесь… я… — он запнулся на этом слове, будто споткнулся о порог, — …буду слушать тоже.

Он погас. Над озером висела луна, и было очень тихо.

Сефир'Ал вернулся в лабораторию в рубашке, мокрой на коленях, сел к терминалу и вывел запись Аль'Торны за последний месяц. Он разложил сдвиги по группам, как раскладывают ноты, и долго смотрел на то, что получилось. Группы не были числами. Они были похожи на ритм, в котором Ира'Тайя говорил с ними на последней платформе лабиринта: долгий слог, два коротких, пауза, долгий.

Слов лиантарского языка Сефир'Ал знал немного, десятка два, и первое из них узнал сразу. Зе'тан. Это слово светилось на двери последнего зала лабиринта, и Анна тогда перевела его как «ход». Второе было ему незнакомо: фа'энне. Оно повторялось в каждой группе, упрямо, как стук в дверь.

Сефир'Ал записал оба слова на листке бумаги, обычной ручкой, потому что так ему лучше думалось, и долго сидел над ними, пока за окном не начало светать.

Он не знал, что значит «фа'энне». Он боялся, что скоро узнает.

Глава 4. Поединок до признания

Вызов на поединок по обычаю Наг'Тара полагалось процарапать на камне в трёх экземплярах. Один экземпляр получал вызванный, второй — совет старейшин колонии, третий замуровывали в стену Зала Жара, чтобы потомки знали, кто с кем дрался и из-за чего. Храхс'Тха как-то подсчитал, что в стенах Хиз'Така замуровано больше одиннадцати тысяч вызовов, и примерно в половине причина была одна и та же: «он сказал, что моя мать медленно копает».

Вызов Ки'Зарка лежал перед ним на столе, и причина в нём была другая. «Вождь Хиз'Така говорит за все колонии Наг'Тара в Совете четырёх, а слушает только Мягких. Я, Ки'Зарк из Старых нор, оспариваю его право говорить». Царапины глубокие, ровные. Ки'Зарк не торопился, когда писал.

— Красиво процарапано, — сказал Тш'Ка, старый помощник Храхс'Тхи, заглянув ему через плечо. — Видна рука.

— Видна злость, — сказал Храхс'Тха. — Рука у него и раньше была хорошая.

Тш'Ка помолчал, пощёлкивая жвалами. Последний год он учил человеческие пословицы по книге, которую выменял на станции «Нейтраль», и применял их при каждом удобном случае, не всегда понимая.

— Мягкие говорят: «не руби сук, на котором сидишь», — сообщил он.

— Зачем сидеть на суку?

— Не знаю. Наверное, у них мало пещер. — Тш'Ка подумал. — Я хотел сказать: если ты его убьёшь, Старые норы поднимутся. Если не убьёшь, скажут, что ты слаб. Сук плохой с обеих сторон.

— Тогда я не буду на нём сидеть, — сказал Храхс'Тха и поднялся.

Зал Жара лежал на самом дне колонии, там, где камень был тёплым на ощупь даже для Зинтариев. В центре зала из трещины в полу поднимался горячий газ, и вокруг трещины древние строители выложили кольцо из чёрного базальта — Круг. По стенам росли светящиеся грибы, синие и бледно-зелёные, и в их свете хитиновые панцири собравшихся отливали, как мокрые камни. Пришли все: старейшины, вожаки выводков, молодняк, который полагалось гнать отсюда, но которого никто не гнал. Старые норы стояли отдельной плотной группой у дальней стены. Их было больше, чем Храхс'Тха рассчитывал.

Ки'Зарк уже ждал в Круге. Он был выше Храхс'Тхи на полголовы и уже в плечах, длиннее в конечностях. Левая хватательная лапа у него была чёрной от старого ожога, и кончики когтей на ней не смыкались до конца. Храхс'Тха знал, откуда ожог. Десять лет назад Ки'Зарк повёл отряд через щель в барьере Ока Хаоса, чтобы взорвать источники питания. Потом планета вздохнула, и все, кто был рядом, оказались кто где. Отряд Ки'Зарка оказался в огне. Вернулся он один, через два года, на чужом грузовике, и с тех пор никогда не рассказывал, что там было.

— Поединок до признания, — объявил старейшина Круга, и по залу прошёл щелчок, долгий и неодобрительный, как шорох гравия. Обычай придумал Храхс'Тха девять лет назад. До него поединок за право говорить шёл до смерти.

— Я не прошу до признания, — сказал Ки'Зарк. Он говорил негромко, но в зале было слышно каждое слово. — Пусть будет, как у предков.

— Ты вызвал меня, — ответил Храхс'Тха. — Правила выбирает вызванный. Это тоже от предков.

Ки'Зарк качнул головой, принимая, и опустился на все четыре опорные конечности.

Зинтарии дерутся не так, как люди. Храхс'Тха понял это давно, когда впервые увидел на записи человеческий кулачный бой и долго не мог сообразить, почему двое так странно стоят на задних лапах и почему им никто не объяснил, что на четырёх устойчивее. Зинтарий в бою — это низкая, тяжёлая масса, хватательные лапы впереди, как клещи, хвост поднят над

спиной. Жало в поединке до признания запрещено, хвост служит только для равновесия и обмана. Главное — свалить противника на спину. Перевёрнутый Зинтарий беспомощен, и тот, кто прижал его к полу, может требовать признания.

Ки'Зарк атаковал первым и сразу, без разведки. Он был быстр, быстрее, чем помнил Храхс'Тха. Клещи сомкнулись на его левом плече, хитин хрустнул, и боль ударила по всей левой стороне, как кипяток. Храхс'Тха рванулся вбок, вырвался, оставив на когтях Ки'Зарка кусок панциря, и отступил к краю Круга.

Старые норы застучали хвостами по полу.

Второй раз Храхс'Тха успел. Он поднырнул под клещи, ударил Ки'Зарка головой в грудные пластины, туда, где у Зинтариев сидят органы речи, и услышал, как у противника сбилось дыхание. Но Ки'Зарк не упал. Он перехватил Храхс'Тху за опорную лапу и потащил, и несколько мгновений они кружили по Кругу, сцепившись, скребя когтями по базальту, как два жука, которых мальчишка сунул в одну банку.

Храхс'Тха чувствовал, что проигрывает. Ки'Зарк был старше на пять лет, зато злее на десять. Злость давала ему силы, которых у Храхс'Тхи уже не было: он слишком долго сидел на переговорах и слишком мало дрался.

Тогда он сделал то, чего потом стыдился.

Он позволил Ки'Зарку тащить себя. Шаг, ещё шаг, ближе к центру, где из трещины поднимался горячий газ. Для Зинтария этот жар был терпимым, неприятным, как для человека слишком горячая ванна. Для обожжённой лапы Ки'Зарка он был пыткой. Храхс'Тха увидел, как чёрные когти разжались на долю мгновения, когда их лизнула струя газа, и этой доли хватило. Он вывернулся, поднырнул, подцепил Ки'Зарка клещами под грудь и опрокинул.

Зал выдохнул.

Ки'Зарк лежал на спине, и его конечности бессильно скребли воздух. Храхс'Тха прижал его к полу всем весом и наклонился к самой его голове.

— Признай, — сказал он.

Ки'Зарк молчал. Его глаза, все до одного, смотрели в потолок, где светились грибы.

— Признай, и встанешь, — повторил Храхс'Тха.

— Ты знал про лапу, — сказал Ки'Зарк так тихо, что услышал только он.

— Знал.

— Мягкие научили?

— Нет, — сказал Храхс'Тха. — Это я сам.

Ки'Зарк долго молчал, а потом произнёс положенное слово. Он произнёс его чётко, без дрожи, будто сплюнул. Старейшина Круга ударил хвостом по полу: поединок окончен, право говорить остаётся за вызванным.

Храхс'Тха отпустил противника и отошёл. Он ждал, что Ки'Зарк уйдёт, но тот поднялся, повернулся к залу и сказал громко, чтобы слышали все:

— Вождь Хиз'Така оставил меня жить. Пусть каждый из вас запомнит. Когда придёт время, он оставит жить и Мягких, которые будут гасить наши колонии одну за другой, и будет называть это мудростью.

Он вышел из Круга. Старые норы потянулись за ним молча, без единого щелчка. Храхс'Тха смотрел, как они уходят, и считал. Он сбился на сороковом выводке и перестал.

Одна осталась. Старая самка, тёмная до черноты, с панцирем цвета печной сажи, стояла у дальней стены, там, где только что стояли Старые норы, и не уходила. Храхс'Тха знал её, как знал каждый на Наг'Таре. Мать Старых нор. Мать Ки'Зарка. Она пережила трёх вождей Хиз'Така и, судя по виду, собиралась пережить четвёртого.

Она подошла к Кругу медленно, и молодняк расступился перед ней раньше, чем было нужно.

— Ты знал про лапу моего сына, — сказала она. Голос у неё был тихий и сухой, как шорох песка в пустом ходу.

— Знал.

— Это хорошо. Глупого вождя я бы не потерпела. — Она посмотрела на трещину в полу, откуда поднимался газ. — Ты оставил его жить. Это плохо или хорошо, я пока не решила. Когда решу, скажу тебе первой.

— А если решишь, что плохо?

— Тогда, вождь, тебе придётся меня переубедить, — сказала Мать Старых нор. — Это у тебя, говорят, получается лучше, чем драться.

Она ушла, не прощаясь, как уходят все Зинтарии, и Храхс'Тха ещё долго чувствовал брюшными пластинами её тяжёлые, неторопливые шаги, удалявшиеся по камню.

Плечо зашивали до глубокой ночи. Лекарь колонии, старая самка с полностью седыми усиками, накладывала смолу на трещины в хитине и ворчала, что в её время вожди дрались реже, потому что были умнее.

— В твоё время вожди дрались до смерти, — заметил Храхс'Тха.

— Вот именно. Поэтому дрались редко.

Когда лекарь ушла, пришёл Тш'Ка. Он остановился у входа и долго щёлкал, подбирая слова, что было на него не похоже.

— Мои уши в Старых норах говорят, — сказал он наконец. — Ки'Зарк сразу после Круга пошёл к передатчику дальней связи. Говорил с Мягким. Канал шифрованный, но шифр знакомый. Отдел Наследия.

— Что он сказал?

— Слышно было только начало. Мягкий сказал: «У нас общий интерес». Дальше мои уши получили камнем по голове. Живы, — добавил Тш'Ка, — но обижены.

Храхс'Тха долго сидел неподвижно. Смола на плече застывала и стягивала хитин, и это было больно, но боль помогала думать. Ханн. Он помнил этого человека по лабиринту только с чужих слов. Анна рассказывала о нём мало и неохотно, и Храхс'Тха давно заметил: о том, что её действительно тревожит, она всегда говорит меньше всего.

Перед рассветом, когда в колонии меняли смены грибных садов, передатчик в его норе пискнул. Сообщение пришло по личному каналу, и подпись под ним была короткой: «Анна».

«Нужна твоя помощь. Тихо».

Храхс'Тха перечитал его дважды. Потом осторожно, чтобы не потревожить плечо, вытянул хватательную лапу к панели и ответил:

«Тихо я не умею. Буду».

Глава 5. Песнь о Плотине

На Каркозе не бывает ночи в человеческом смысле. Планета обращена к своему тусклому оранжевому солнцу одним боком, и кристаллические города на дневной стороне стоят в вечном закате, переливаясь, как гигантские друзы в витрине музея. Отдыхают Каркозаны, когда остывают. Остывание приходит само, примерно раз в двести человеческих часов: тело тускнеет, мысли замедляются ещё сильнее обычного, и каркозан стоит неподвижно, пока его кристаллы не наберут снова тепла от камня и света.

Криста'Лин остывать не любила. Ей всегда казалось, что за время остывания мир успевает уйти куда-то без неё. Тарк'Ран смеялся над этим, своим низким, звенящим смехом, и говорил, что у неё «быстрая огранка души». Это была не похвала. На Каркозе вообще редко хвалили за быстроту.

В Зал Вечности она пришла, когда половина города уже остывала, и шаги её звучали под сводами слишком громко. Колонны уходили вверх, в полумрак, и на каждой были высечены хроники: миллиарды лет каркозанской памяти, записанной в камне так плотно, что если прижаться к колонне ладонью и настроить на неё свои кристаллы, камень начинал петь. Голоса, образы, запахи давно исчезнувших ветров. Каркозаны называли это «петь хронику», и петь умел далеко не каждый. Криста'Лин умела хорошо. Это было единственное, за что старейшины её хвалили.

Она искала одно место в одной очень старой песне.

Неделю назад, перебирая по поручению Совета записи о Лиантарах, она наткнулась на хронику, которую никто не пел восемьсот тысяч лет. Колонна стояла в самом дальнем крыле Зала, у неё был скол на высоте человеческого роста, и служки обходили её, потому что скол считался дурной приметой. Криста'Лин тогда пропела только начало и остановилась, потому что услышала голос, которого не было ни в одной другой песне. Голос был высокий и лёгкий, как звон тонкого стекла, и говорил на языке, которого она не знала, но который узнала сразу: так звучали надписи в лабиринте, когда Тарк'Ран читал ей их по памяти.

Она прижала ладони к колонне. Кристаллы под пальцами откликнулись не сразу, будто старый камень проверял, можно ли ей доверять. Потом зазвучало.

Сначала был ветер. Тёплый, сухой ветер Каркоза таким, каким он был до того, как атмосфера истончилась. Потом голоса предков, медленные даже для неё, и среди них тот, высокий и лёгкий. В песне не было лиц, каркозанские хроники лиц не хранят, но было ощущение присутствия: кто-то стоял в кругу старейшин, и от него исходил свет, похожий на свет Аэлариев, только теплее.

— Вар'линтари, — сказал высокий голос, и древний переводчик-кристалл, вплавленный в хронику, повторил на старом каркозанском: «Великое Равновесие».

Это Криста'Лин знала. Так называли сеть Лиантаров, которую Ира'Тайя показал четвёрке в конце лабиринта. Анна рассказывала ей об этом раз двадцать за десять лет, и каждый раз её лицо делалось таким, будто она вспоминала не карту, а молитву.

Но дальше переводчик-кристалл споткнулся. Он повторил слово «вар'линтари» ещё раз, и теперь перевёл его иначе. Старый каркозанский язык был языком строителей, и у него было отдельное слово для стены, которая держит воду.

«Плотина».

Криста'Лин отняла ладони. Её грани потемнели, она чувствовала это, и не могла с этим ничего поделать. Каркозанская кожа не умеет лгать.

Потом она снова прижала ладони к камню и пропела дальше, до конца, и это заняло у неё почти три часа. Высокий голос просил предков о помощи. Лиантарам нужны были руки, умеющие держать кристаллическую решётку в покое миллионы лет. Каркозаны дали руки. Они

строили узлы Плотины вместе с Древними на сотнях планет, и в песне перечислялись имена мастеров, долгие, как горные хребты. А в конце высокий голос сказал фразу, которую переводчик-кристалл передал очень осторожно, словно сам боялся её смысла:

«Держите, пока вода стоит. И не говорите молодым, что за стеной вода. Молодые захотят посмотреть».

Совет старейшин собрался на следующий день, и это было быстро. Обычно на созыв уходило четыре-пять остываний. Криста'Лин рассказала, что нашла. Она говорила на две трети медленнее, чем привыкла, чтобы её не сочли непочтительной, и всё равно видела, как старейшины переглядываются: она торопится.

Старейшины думали. Самый древний из них, Ар'Гхолл, начал отвечать ещё до того, как она закончила, и закончил, когда за высокими окнами Зала солнце сдвинулось на ширину ладони.

— Мы… знаем… эту песню.

Криста'Лин ждала, что будет дальше. Дальше было долго.

— Мы… дали… слово. Древним. Не говорить… молодым… расам. Слово… не… отменено. Хроника… останется… здесь. Песочным… — Ар'Гхолл помолчал, и молчание его было длиннее, чем некоторые человеческие войны, — …не… петь.

— Песочные гибнут, — сказала Криста'Лин. — Их колонии исчезают. Колонии Зинтариев тоже. Это может быть связано с Плотиной. Мы, может быть, единственные, кто знает, что такое Плотина, и мы будем молчать?

Она сказала это быстро. Неприлично быстро. По Залу прошёл тихий звон, такой бывает, когда кристаллы многих Каркозанов разом вздрагивают от неловкости.

— Слово… дано… навсегда, — сказал Ар'Гхолл. — Мы… храним. Не… выбираем… что… хранить.

Совет закрылся. Служка, молодой каркозан с нежно-розовыми гранями, который вёл запись заседания, подошёл к ней после и шепнул, что старейшина Ар'Гхолл произнёс за всё собрание сорок одно слово. Это рекорд за последнее тысячелетие. Служка явно гордился, что присутствовал.

Покои Зи'Кора были в верхнем ярусе, под самым куполом, куда пробивался закатный свет. Старик стоял у окна, неподвижный, тёмный. Его кристаллы, когда-то прозрачные, как горный лёд, за последние годы помутнели, и по ним расползлись молочные облака. Каркозанская старость не болит. Она просто делает тебя всё более непрозрачным, пока свет не перестанет проходить сквозь тебя совсем.

Он остывал. Криста'Лин поняла это сразу по тусклому блеску граней и по тишине, которая стояла вокруг него, плотная, как вода. Она постояла рядом, сколько позволило ей нетерпение. Потом подошла к нише в стене, где хранился кристалл-копия хроники, снятый по её просьбе для Совета. Небольшой, с её ладонь, тёплый от закатного света.

Она взяла его.

На Каркозе это называется так же, как у людей. Кража. За кражу хроники в старые времена дробили виновного и рассеивали в песках, чтобы его кристаллы никогда больше не собрались в одно целое. В последние сто тысяч лет никого не дробили, но только потому, что никто ничего не крал.

Криста'Лин спрятала кристалл в складку дорожного плаща и повернулась к выходу.

— Ты… забыла… — сказал Зи'Кор.

Она замерла. Старик не повернулся от окна. Его грани оставались тусклыми, и голос шёл будто из глубины горы.

— …вторую… копию. — Он медленно, очень медленно поднял руку и указал на соседнюю нишу. — Там. Перевод… на язык… Песочных. Я… сделал. Вчера.

Криста'Лин стояла и не могла сказать ни слова. Потом подошла ко второй нише. Там лежал кристалл чуть меньше первого, ещё не до конца остывший от работы.

— Вы не спали, — сказала она.

— Я… медленный, дочь. — Он повернул голову, и в мутных гранях на мгновение блеснул свет, как солнце сквозь туман. — Но… не… слепой. Тарк'Ран… сказал бы… «иди». Я… скажу… — он помолчал, — …тоже… иди. Только… не… так… быстро… чтобы… никто… не… успел… тебя… полюбить.

Она подошла и прижала ладонь к его груди, к самому большому из его кристаллов, как прижимают ладонь к колонне, чтобы услышать песню. Песни не было. Был ровный, медленный, очень усталый гул.

— Я вернусь, — сказала она.

— Знаю. Медленно… вернёшься. Я… подожду.

На выходе из Зала Вечности стоял пост Слуха. Каркозаны слушают космос так же, как слушают хроники: сеть кристаллических антенн на границах их владений ловит резонансы, которые пропускают человеческие приборы. Обычно это шорох звёзд, вздохи пульсаров, гул далёких кораблей. Дежурный, старый знакомый Тарк'Рана, кивнул Криста'Лин и хотел было пропустить её, но она остановилась.

Кристалл в складке плаща звенел.

Она чувствовала это кожей: тонкий, почти неслышный звон, на одной ноте. Хроника отвечала кому-то. Криста'Лин вынула кристалл, поднесла его к приёмным граням поста, и дежурный удивлённо вскинул голову, когда на его экране вспыхнула линия.

— Это… не… наше, — сказал он. — Резонанс… совпадает… с хроникой. Источник… движется.

— Куда?

Дежурный думал долго, и Криста'Лин, впервые в жизни, не торопила. Она смотрела, как на звёздной карте прочерчивается тонкий пунктир, от системы, которую Песочные называли Вереском, через пустоту, к поясу астероидов на окраине их территории. Туда, где у Песочных стоял вольный порт, рынок и притон для всех, кто не хотел, чтобы его нашли.

— Барахолка, — сказала она по-человечески.

Дежурный не знал этого слова и переспрашивать не стал, а она не стала объяснять. Корабль у неё был свой, маленький, разведывательный, когда-то принадлежавший Тарк'Рану. Совет старейшин о её полёте не знал. Впервые за триста десять лет своей жизни Криста'Лин нарушала решение Совета, и, к собственному удивлению, не чувствовала ни звона, ни холода в гранях.

Она чувствовала себя быстрой. И, кажется, это было правильно.

Глава 6. Барахолка

Барахолку выдолбили в астероиде размером с небольшой город лет сорок назад, когда на нём ещё добывали никель. Никель кончился, шахтёры улетели, а тоннели остались, и в них, как плесень в сыром подвале, завелась торговля. Сейчас там жили тысяч пятнадцать человек и несколько сотен чужих, официально не жил никто, а таможня брала взятки по прейскуранту, вывешенному прямо у шлюза. Я любил Барахолку. Это было единственное место во вселенной, где мой диплом об отчислении из Академии никого не интересовал.

Мы простояли там трое суток, и все трое суток Фрида пыталась продать нашу находку.

Скупщики делились на три породы. Первые смотрели на снимки, бледнели и говорили, что такое не берут. Вторые смотрели на снимки, переставали бледнеть и предлагали двести кредитов, «чтобы помочь вам избавиться». Третьи хотели посмотреть вживую, и Фрида их выгоняла, потому что таких, по её словам, потом находили в чужих шлюзах. Сеня, тот самый, что купил фильтры, выслушал её молча, потом наклонился к экрану и сказал очень тихо:

— Фрида. Отдел Наследия уже два дня спрашивает в порту про пузатую посудину с каркозаном за штурвалом. Я тебя не видел. И, ради всего святого, не продавай это здесь.

Объект лежал в грузовом отсеке, в держателях, и гудел. Гул был всё тот же, низкий, на грани слуха, но за три дня я к нему привык, как привыкают к холодильнику. Щёлк приладил к объекту датчики и сообщил, что внутри пустота, «но пустота неправильная», а на мой вопрос, что значит неправильная, транслятор долго думал и выдал: «Пустота. Смотрит».

На четвёртое утро пустота посмотрела на нас сама.

Я пил кофе на камбузе, когда гул оборвался. Это было как если бы холодильник, к которому ты привык, вдруг замолчал посреди ночи: я не сразу понял, что изменилось, просто вдруг

стало слишком тихо. Потом из грузового отсека раздался звук, похожий на то, как открывается банка с вареньем, и сразу за ним — Щёлк. Транслятор у него выдал одно слово, и это слово я при детях повторять не буду.

Объект раскрылся вдоль, как стручок гороха. Внутренность его была гладкой, тёмной, с тусклым перламутровым отливом, а на дне, в углублении, лежали две вещи. Первая была кристаллом размером с кулак, чёрным, с восемью гранями, сходящимися наверху в подобие короны. Вторая спала, свернувшись вокруг кристалла, и была покрыта бирюзовой шерстью.

— Зверь, — сказал Щёлк. Его транслятор, кажется, всё ещё был в шоке.

Зверь проснулся, потянулся всеми шестью лапами по очереди, как разминаются кошки, только кошкам на это нужно четыре, и сел. Он был размером с крупную лису, с огромными ушами фенека и чёрными блестящими глазами, в которых отражались лампы грузового отсека. Он посмотрел на Щёлка, потом на меня, потом на Фриду, которая прибежала с мостика в одном носке и с трубкой в зубах.

Потом он подошёл к Фриде, обнюхал её куртку, аккуратно откусил с неё латунную пуговицу и проглотил.

— Эй, — сказала Фрида.

Зверь облизнулся и посмотрел на неё с таким выражением, будто ждал добавки.

— Это была пуговица от моей лётной куртки, — сказала Фрида. — Двадцать лет. Я в ней катапультировалась над Ганимедом.

— Теперь она в нём катапультируется, — сказал я.

Фрида посмотрела на меня, потом на зверя. Тот обнюхал вторую пуговицу. Фрида запахнула куртку.

— Пуговица, — сказала она мрачно. — Будешь Пуговицей. Если сожрёшь что-нибудь в рубке, сделаю из тебя воротник.

Через двадцать минут Пуговица сожрала кабель навигационного терминала. Воротник из неё никто не сделал.

Чёрный кристалл остался лежать в раскрытом стручке. Я взял его в руки — тёплый, неожиданно тяжёлый — и увидел, что грани покрыты символами. Мелкими, как гравировка на часах. Лиантарскими, это я понял сразу, потому что лиантарские знаки были единственным, что я в Академии знал лучше преподавателей. Прочитать их с ходу я не смог. Символы были знакомые, но сложены так, как я не видел нигде, по кругу, по спирали, и в центре каждой грани повторялся один и тот же знак: две вертикальные линии и точка над ними.

— Матвей, — сказала Фрида, глядя в коммуникатор. — Брось камень. Сеня пишет: в порт вошли трое из Отдела, в гражданском. Идут к нашему доку.

Дальше всё происходило очень быстро, и я помню это кусками.

Помню, как Фрида выгоняла нас на рынок, потому что Дол уже отстыковывал «Сороку» от причала, чтобы перегнать её в аварийный док на другой стороне астероида, а люди Отдела шли именно к причалу. Помню, как я бежал по торговому ряду с кристаллом за пазухой, а Пуговица неслась впереди, прыгая по прилавкам, и с каждого прилавка что-нибудь падало. Помню торговца медной проволокой, который кричал нам вслед что-то про мою мать, потому что Пуговица на бегу утащила у него моток.

И помню человека с очень гладким лицом, который вышел нам навстречу из бокового прохода. Тот самый лейтенант с патрульного катера у Вереска. В гражданской куртке он выглядел как менеджер по продажам страховок, но держал в руке парализатор, и держал правильно.

— Ланской, — сказал он. Он знал моё имя. — Отдайте то, что у вас за пазухой, и можете идти.

Позади него появились ещё двое. Позади нас — тоже двое. Рынок вокруг опустел так быстро, будто его выключили.

Щёлк выступил вперёд. Он не любил драться, я уже говорил. Поэтому он всегда носил с собой сковороду.

Я до сих пор не знаю, откуда она появилась у него в хватательной лапе. Только что её не было, а в следующее мгновение тяжёлая чугунная сковорода, на которой Щёлк жарил свои кошмарные личинки, описала в воздухе дугу, и парализатор лейтенанта улетел под прилавок с запчастями. Лейтенант охнул и схватился за кисть.

— Не драка, — пояснил транслятор Щёлка. — Кухня.

Тогда в нас начали стрелять по-настоящему.

Я упал, и мне на спину упала Пуговица. Над головой прошипел разряд и выжег пятно на вывеске «Вкусные пирожки от Тамары». Я пополз под прилавок, зацепился ногой за что-то и почувствовал, что ботинок остался позади. Возвращаться за ним я не стал. Этот ботинок, наверное, до сих пор лежит где-то на Барахолке, и я иногда думаю, что он прожил жизнь интереснее, чем многие ботинки.

Потом стрельба оборвалась, и наступила тишина. Я выглянул.

Посреди торгового ряда стояла каркозанка. Высокая, под потолок, сине-зелёная, в сером дорожном плаще, который на ней смотрелся как салфетка. Она стояла между нами и людьми Отдела, спокойно, будто ждала на остановке трамвай, и по её граням ещё бежали искры. Разряды, которые предназначались нам, попали в неё, и её тело их просто разложило, как призма раскладывает свет. На стене за её спиной расцвела радуга.

— Вы несёте то, что поёт как Плотина, — сказала она мне. Голос у неё был медленный, но не такой медленный, как у Дола. Она говорила, как говорит человек, который очень старается говорить медленно. — Идите за мной.

Лейтенант что-то кричал. Каркозанка не обернулась. Она пошла по ряду к служебному тоннелю, и мы пошли за ней, потому что никто не захотел остаться наедине с людьми, у которых только что кончились аргументы.

В тоннеле она шла пригнувшись, задевая плечами трубы. Пуговица бежала у её ног и, кажется, была с ней давно знакома: один раз каркозанка опустила руку, и зверь, не сбавляя бега, ткнулся в неё носом.

— Вы кто? — спросил я, прыгая на одной ноге в ботинке и одной в носке.

— Криста'Лин, — ответила она. — С Каркоза. Ваш корабль?

— В аварийном доке. Если Дол успел.

— Дол… — Она повторила имя, будто пробуя его на вкус. — Каркозан?

— Пилот. Он немного… быстрый.

Криста'Лин ничего не ответила, но мне показалось, что её грани на мгновение посветлели.

Дол успел. «Сорока» висела в аварийном доке с открытым шлюзом и работающими на холостом ходу двигателями, и Фрида уже стояла в проёме, махая нам рукой. Увидев Криста'Лин, она вынула трубку изо рта и сказала только:

— Она не влезет.

Криста'Лин влезла. Для этого ей пришлось сложиться так, как, по-моему, вообще не складываются ни люди, ни кристаллы, и всю дорогу до рубки она ползла по коридору на четвереньках, но она влезла. Дол обернулся от пульта, и они посмотрели друг на друга.

Дол что-то сказал на каркозанском. Я не знаю каркозанского, но интонацию разобрал: это было очень длинное и очень вежливое приветствие, из тех, на которые у Каркозанов уходит минут пять. Дол произнёс его секунды за четыре. Криста'Лин застыла, как будто её ударили, а потом ответила, тоже быстро, и Дол засветился весь, от макушки до кончиков пальцев.

— О чём вы? — спросила Фрида.

— Она… сказала… — Дол перешёл на человеческий и тут же замедлился, как всегда, — …что… никогда… не… слышала… каркозана… который… говорит… как… она… думает.

— Очень трогательно, — сказала Фрида. — Дол, у нас на хвосте корабль Отдела. Трогай.

Корабль Отдела действительно висел у выхода из дока: серый, гладкий, с той же ладонью и звездой на борту. Он перекрывал нам выход в открытый космос, и его орудийные порты были открыты. Фрида посмотрела на него, потом на меня, потом на Дола.

— Прыгай, — сказала она.

— Ка-пи-тан… — начал Дол. — Без… расчёта…

— Прыгай вслепую. Куда угодно. Потом разберёмся.

Прыгать вслепую из дока запрещено всеми правилами навигации, какие я знаю, и парой тех, что я не знаю. Корабль, который прыгает без расчёта, может выйти где угодно: внутри звезды, внутри планеты, внутри другого корабля. Шанс на это небольшой, но, как говорил Гурвич, сотый случай всегда кому-нибудь достаётся.

Дол прыгнул.

Пространство вокруг «Сороки» помутнело, как молоко в воде, и в это мгновение Пуговица, сидевшая у меня на коленях, подняла морду и завыла. Тонко, протяжно, на одной ноте. Она выла весь прыжок, все восемь секунд субъективного времени, и в этом вое было что-то такое, отчего у меня встали дыбом волосы на руках. Будто она чувствовала что-то, чего не чувствовали мы.

Мы вышли в пустоте, в двух световых годах от Барахолки, далеко от всех звёзд. Целые. Пуговица замолчала, облизнулась, спрыгнула на пол и пошла искать, что бы ещё съесть.

Криста'Лин, всё ещё стоявшая на четвереньках посреди рубки, медленно повернула голову к чёрному кристаллу, который я так и держал в руке.

— Она плакала, — сказала Криста'Лин. — Не от страха. Это был плач по Плотине.

Никто из нас тогда не понял, что она имела в виду. Понял я это гораздо позже, когда понимать было уже очень больно.

Глава 7. Ход чёрных: Фигура найдена

В скоплении, которое люди ещё не нанесли на свои карты, потому что оно светит слишком тускло и слишком красно, висит звезда, которая не является звездой.

Снаружи она похожа на шар раскалённого газа, плотного, медленно перекатывающегося, как варенье в котле. Свет её багровый, с тёмными прожилками. Астроном, который когда-нибудь наведёт на неё телескоп, сначала решит, что видит старого красного гиганта, а потом заметит, что спектр не сходится, что газ слишком горяч для такого цвета и слишком плотен для такой массы. Если астроном будет достаточно упрям, он поймёт, что внутри кокона прячется чёрная дыра. Не очень большая, всего несколько миллионов масс Солнца. Газ падает на неё, раскаляется, светит, и этот свет запирает сам себя внутри кокона, так что снаружи всё это выглядит почти как обычная звезда.

Лиантары называли это место Колыбелью.

На внешней оболочке кокона, там, где падающий газ ещё не превратился в пламя, держится цитадель. Её не видно ни в какой телескоп: она тонка, как паутина, и тянется на тысячи километров, а держит её на месте то, что люди назвали бы игрой гравитации и давления, а Лиантары не называли никак, потому что для них это было очевидно. Внутри цитадели тихо. Время здесь течёт медленнее, чем снаружи, гораздо медленнее, потому что рядом чёрная дыра, а чёрная дыра растягивает время, как ростовщик растягивает долг.

В центре цитадели спит Зе'Раан.

Для него с начала партии прошло меньше полугода. Для галактики снаружи прошло десять лет. Он спит не так, как спят люди, без снов и без отдыха: его сознание свёрнуто в плотный узел и ждёт. Ждать он умеет лучше всех живущих. Он ждал, пока молодые расы поднимутся, ждал, пока найдут двигатели, ждал, пока пройдут лабиринт. Сейчас он ждёт, пока они проиграют.

За доской за него играет Тень.

Тень не жива и не мертва. Зе'Раан сплёл её из своих правил, как плетут сеть, и вложил в неё одно-единственное стремление: играть честно и до конца. У Тени нет лица, нет голоса и нет желаний. Есть доска, на которой каждая клетка — узел Плотины, и есть список правил, высеченный в самой её основе. Тень сверяется с этим списком перед каждым ходом. Она не умеет иначе.

Правило первое: партия длится до мата или до ничьей по согласию сторон.

Правило второе: белые не могут отказаться от партии. Они согласились, когда вошли в лабиринт.

Правило третье: белые ходят своими кораблями. Каждый прыжок есть ход.

Правило седьмое: чёрные берут только то поле, которое белые уже ослабили.

Седьмое правило Тень проверяет чаще остальных. Ей нельзя гасить здоровый узел. Ей можно погасить лишь тот, по которому прыжки молодых рас прошли так часто, что трещина в нём превысила допустимое. Зе'Раан настоял на этом правиле, когда спорил с Ира'Тайей у последней доски. «Я не трону того, что они не тронули сами, — сказал он тогда. — Пусть видят, что это их ход, а не мой».

Ира'Тайя тогда ответил, что они не увидят. Что они решат, будто их убивает чудовище. Зе'Раан ответил, что это уже не его забота.

Сейчас Тень смотрит на доску.

Четыре клетки погашены. Вереск, Ламберт-девять, Тихая Гавань, Шх'Тар. Каждый раз она проверила трещину, каждый раз трещина превышала допустимое, каждый раз ход был законным. Теперь на доске изменение. В клетке Вереска, внутри погашенного поля, лежала

фигура, оставленная Лиантарами на случай, если белые всё-таки захотят играть всерьёз. Фигура вышла из поля. Её взяли.

Тень сверяется со списком.

Правило одиннадцатое: если белые подняли фигуру, проводник пробуждается.

Проводник пробудился. Тень чувствует его так же, как чувствуют узлы: тонкая нота на краю слуха, плач, настроенный на частоту Плотины. Проводник плакал во время прыжка. Значит, его взяли на корабль, который прыгает. Значит, белые ещё не поняли.

Правило двенадцатое: после того как фигура поднята, чёрные вправе ответить.

Тень перебирает клетки. Узлы на её доске светятся по-разному: ровным светом здоровые, мерцающим больные, тёмным погашенные. Мерцающих много. Больше, чем было год назад. Гораздо больше, чем было десять лет назад. Молодые расы прыгают всё чаще, и каждый прыжок ложится на узлы, как шаг на тонкий лёд.

Один узел мерцает сильнее прочих. Он стоит над планетой, которую Зинтарии называют Кх'Мар. Через эту систему идёт главная транспортная линия Наг'Тара, и зинтарийские грузовики прыгают через неё по сорок раз в сутки, потому что так короче. Трещина в узле Кх'Мара превысила допустимое уже давно. Если бы Тень умела сомневаться, она могла бы задержаться на этой клетке. Она не умеет.

На Кх'Маре живёт выводок одного зинтария, который когда-то прошёл через барьер Ока Хаоса и вернулся. Тень этого не знает. Это не входит в правила.

Тень отмечает клетку. Ход будет сделан не сразу: даже Тени нужно время, чтобы погасить узел, и время это течёт снаружи, по часам галактики, а не по часам Колыбели. Но ход выбран, и правила соблюдены.

Где-то в глубине цитадели свёрнутое сознание Зе'Раана едва заметно шевелится, как шевелится во сне человек, услышавший сквозь сон знакомое имя. Ему снится доска. Ему снится, что белые наконец поняли, что делают. Он почти улыбается.

Потом сон уходит, и в цитадели снова тихо. Тень ждёт следующего хода белых.

Глава 8. Ключ

Маяк-17 бросили лет тридцать назад, когда торговый маршрут сместился на два сектора к югу. Это была ржавая решётчатая башня, висящая в пустоте, с мёртвым огнём на верхушке и стыковочным узлом, который помнил ещё корабли с химическими двигателями. Анна выбрала его, потому что про него никто не помнил, и потому что сообщение Криста'Лин было коротким: «Нашла. Песочные, четверо, корабль маленький. Им нужна ты. Мне тоже».

Курьерский катер она взяла на станции «Нейтраль» под предлогом инспекции маяков. Пилотировала сама, впервые за пять лет, и с удивлением обнаружила, что руки помнят. На втором кресле сидел Сефир'Ал, бледный, вцепившийся в подлокотники. Он прилетел на «Нейтраль» через сутки после того, как прислал ей два лиантарских слова, и с тех пор почти не спал.

— Вас укачивает? — спросила Анна.

— Меня укачивает с тех пор, как у меня появился желудок, — ответил Сефир'Ал. — Я начинаю думать, что желудок и есть орган, отвечающий за укачивание. Другой работы у него, по-моему, нет.

«Сорока» уже висела у маяка. Анна видела много кораблей вольных торговцев, но этот был особенным: пузатый, залатанный в стольких местах, что первоначальную обшивку угадать было невозможно, с двигателями от трёх разных моделей. На борту кто-то вывел краской птицу с блестящей штучкой в клюве. Под птицей было написано «Сорока», а ниже, мелко: «Брать чужое некрасиво, но выгодно».

Стыковка прошла мягко. Слишком мягко для такой развалины, и Анна отметила про себя: пилот у них хороший.

В шлюзе её встретила женщина лет пятидесяти, высокая, жилистая, в потёртой лётной куртке с одной пуговицей. Во рту у неё была пустая трубка.

— Стыковка сто кредитов, — сказала женщина. — Легенды платят двойной тариф.

Анна молча перевела двести. Женщина посмотрела на коммуникатор, кивнула и вынула трубку изо рта.

— Фрида Ольсен, капитан.

— Анна Маркессо.

— Знаю. Видела ваш бюст на «Нейтрали». Вы там добрее.

— Мне говорили. — Анна присмотрелась к ней. Что-то в этом лице, в посадке головы, в том, как Фрида держала руку у пояса, где у военных пилотов висит кобура, было знакомо. — Ольсен… Седьмая эскадра? Ганимед?

Лицо Фриды не изменилось, только трубка снова оказалась во рту.

— Это было давно и неправда, адмирал. Проходите, у нас тесно, но кофе есть.

На «Сороке» действительно было тесно. Криста'Лин сидела в кают-компании, сложившись так, что занимала её почти целиком. При виде Анны её грани посветлели. Анна подошла и прижала ладонь к её плечу, и Криста'Лин накрыла её руку своей, огромной и тёплой. Так они здоровались последние десять лет, без слов.

Ещё в кают-компании были: молодой человек с умными глазами и в одном ботинке, назвавшийся штурманом Матвеем Ланским (Сефир'Ал, услышав фамилию, посмотрел на него очень внимательно: эту фамилию он слышал от Гурвича); зинтарий в фартуке, который поклонился, подержав в хватательной лапе половник; и каркозан за переборкой в рубке, который медленно, по слогам, сказал «здрав-ствуй-те», а потом без всякой паузы и очень быстро что-то переключил на пульте.

А потом из-под стола вылезла Пуговица.

Анна застыла. Зверь подошёл к ней на шести лапах, бирюзовый, с огромными ушами, обнюхал её ботинки и сел у её ног, глядя снизу вверх чёрными блестящими глазами. Точно так

же смотрел на неё десять лет назад маленький пустынный зверёк, который вёл её по пескам лабиринта к оазису, оказавшемуся миражом. Она тогда так и не узнала, куда он делся.

— Ты? — тихо сказала она.

— Не она, — сказала Криста'Лин. — Но такая же. Они все такие же. Это проводник.

Анна присела и протянула руку. Пуговица обнюхала пальцы, вздохнула и положила на них подбородок. Анна не знала, сколько так просидела. Потом Пуговица аккуратно откусила с её рукава металлическую застёжку и проглотила.

— Она ест медь, — сказал Матвей извиняющимся тоном. — И латунь. И иногда кабели. Мы привыкаем.

Чёрный кристалл положили на стол в кают-компании, на чистую салфетку, будто это был торт. Он был размером с кулак, восьмигранный, с острой короной наверху, и на каждой грани в центре стоял один и тот же знак: две вертикальные линии и точка над ними.

Сефир'Ал положил рядом листок бумаги, на котором его неровным почерком было записано: «зе'тан фа'энне».

Матвей посмотрел на листок и вдруг весь подобрался, как охотничья собака.

— Где вы это взяли?

— Это говорит пульсар, — сказал Сефир'Ал. — Аль'Торна. Сдвигами импульсов. Первое слово я знаю, это «ход». Второе не знаю.

— Второе вот, — Матвей ткнул пальцем в знак на грани кристалла. — Две линии и точка. Это «фа'энне». Я его встречал дважды, в архивах, на табличках с Проциона. Все считали, что это «первые», «начинающие». «Фа'» — корень света, «энне» — что-то вроде «раньше других». Но тут… — Он взял кристалл, повернул к свету, и тот отозвался тонким, едва слышным звоном. — Тут контекст другой. Смотрите, по кругу. «Фа'энне зе'тан». Ход тех, кто начинает. Ход светлых.

— Ход белых, — сказал Сефир'Ал.

Все посмотрели на него.

— В шахматах первыми ходят белые, — объяснил он. — Я читал. На Земле очень много книг про шахматы, я прочёл сорок семь. Ира'Тайя называл лабиринт игрой «Звёздные Шахматы». Если есть ход белых, значит, есть и чёрные.

Анна смотрела на кристалл, и левое запястье у неё ныло, как перед грозой.

— Что ещё здесь написано? — спросила она.

Читали они вдвоём, почти до утра по корабельному времени. Матвей видел символы и складывал их в слова, Сефир'Ал закрывал глаза, держал кристалл в ладонях и слушал, и когда Матвей сбивался, говорил ему, где ударение, где пауза, где одно слово кончается и начинается другое. Ритм был тот же, что у Аль'Торны, Сефир'Ал узнал его сразу. Фрида сварила кофе трижды. Щёлк предлагал ужин, и все отказывались. Пуговица спала на тёплом кристалле, свернувшись вокруг него, как вокруг родного.

Под утро Матвей откинулся на спинку стула и потёр глаза.

— Ладно, — сказал он. — Насколько я понимаю, это ключ. Кто держит фигуру, тот может войти в узел. Узлов много, здесь целая карта, вот, по нижнему краю. — Он провёл пальцем по едва заметной гравировке, похожей на сеть. — И часть узлов отмечена вот этим значком. Он означает «взятое поле». В шахматном смысле, то есть клетка, которую забрал противник. Я сверил координаты. Вереск. Ламберт-девять. Тихая Гавань. Шх'Тар.

Стало очень тихо. Даже Щёлк перестал звенеть посудой.

— Штили, — сказала Анна.

— Штили, — согласился Матвей. — А на основании короны написано правило. Одно. Я перечитал его раз десять, надеялся, что ошибся. «Партия длится до мата. Белые отказаться не могут». — Он поднял глаза на Анну. — Белые — это мы. Мы играем, и нас никто не спросил.

— Нас спросили, — сказала Анна. — Десять лет назад. Мы вошли в лабиринт.

Криста'Лин шевельнулась. Она достала из складок плаща второй кристалл, поменьше, и положила его рядом с чёрным.

— Это хроника моего народа, — сказала она. — Переведённая на ваш язык. Зи'Кор перевёл. Послушайте.

Кристалл зазвучал. Голос был ровный, синтезированный, но в нём, как в морской раковине, слышался шум другого голоса, высокого и лёгкого, как звон стекла. Голос говорил о Великом Равновесии и о каркозанских мастерах, которые помогали его строить. А потом сказал слово, которого Анна за десять лет ни разу не слышала применительно к сети Лиантаров.

«Плотина».

И дальше: «Держите, пока вода стоит. И не говорите молодым, что за стеной вода. Молодые захотят посмотреть».

Кристалл замолчал. Анна долго смотрела на него. Потом на чёрную фигуру. Потом на Пуговицу, которая спала вокруг неё.

— За стеной вода, — сказала она. — А мы и есть молодые, которые захотели посмотреть.

Решение она приняла под утро, в маленькой каюте, которую Фрида ей выделила, глядя в потолок. Протокол «Щит» обязывал её сообщить о находке директору Отдела Наследия. Она вспомнила, как Ханн стоял у её бюста и ждал ответа, не моргая. Если отдать ему фигуру, она окажется в хранилище Отдела, а Ханн получит ключ к узлам раньше, чем кто-нибудь поймёт, что это за узлы. Анна знала, что сделает Ханн с ключом от плотины. Он поставит у плотины охрану и назовёт это щитом.

Она вызвала «Горизонт».

— Линн, у флота есть учения в секторе Гамма-Рифт?

Линн Картер посмотрела на неё с экрана долгим взглядом. За её спиной кто-то громко ворчал, и Анна узнала голос Дрейка.

— Будут, — сказала Линн. — Если ты попросишь.

— Прошу.

— Учения так учения. — Линн чуть улыбнулась. — Ты ведь не скажешь мне, в чём дело?

— Скажу, когда буду знать сама. Держитесь неподалёку. И, Линн… если тебе прикажут меня задержать, не спорь. Выполняй медленно.

— Это я умею, — сказала Линн и отключилась.

Пришло и сообщение от Храхс'Тхи, короткое, как всё, что он писал: «В пути. Старые норы шумят. Буду позже. Не начинай без меня». Анна улыбнулась впервые за сутки.

Утром Фрида выслушала её в рубке, жуя трубку.

— Значит, вы летите с нами, — сказала она. — Неофициально.

— Под чужим именем. Анна Мартынова, бортовой врач.

— Врач? — Фрида подняла бровь. — Вы умеете лечить?

— Умею накладывать шину, — сказала Анна. — В том числе себе.

Фрида подумала и кивнула.

— Тариф для бортовых врачей у нас обычный. Куда летим?

Матвей развернул над пультом карту с кристалла. Большинство узлов на ней светились ровно, четыре были тёмными, а один, ближайший, мерцал, как лампа, у которой отходит контакт. Пуговица проснулась, подошла к карте, обнюхала мерцающую точку и тихонько заскулила.

— Ирида, — прочитал Матвей. — Приливно захваченная планета. Ничего про неё не знаю, кроме названия.

— Тогда узнаем, — сказала Анна. — Дол, прыгайте.

Дол медленно сказал «есть», а «Сорока» уже прыгала. Пуговица на этот раз не выла, только прижала уши.

Через час, когда они вышли из прыжка на полпути к Ириде, пришёл вызов с «Горизонта». Линн была серьёзна, а Дрейк стоял у неё за плечом, и лицо у него было такое, какое бывает у механика, когда его худшая догадка подтвердилась.

— Анна, — сказала Линн. — Отдел оставил у Вереска буй, следит за кромкой Штиля. Данные идут по флотскому каналу, Виктор их смотрит из-за своего чихания. Час назад кромка сдвинулась. На метр. Ровно в ту секунду, когда вы прыгнули от маяка.

— Совпадение, — сказала Анна, и сама услышала, как неуверенно это прозвучало.

— Я тоже так подумал, — сказал Дрейк. — Тогда я поднял записи за год. Адмирал, кромка движется рывками. Каждый рывок — секунда в секунду с каким-нибудь прыжком в радиусе двадцати световых лет.

Анна посмотрела на Пуговицу. Та лежала у её ног, прижав уши, и смотрела в пустоту за иллюминатором так, будто видела там воду, которая медленно, по капле, просачивается сквозь стену.

Часть вторая. Миттельшпиль

Глава 9. Ирида

Есть планеты, которые всю жизнь смотрят на своё солнце одним глазом. Астрономы называют это приливным захватом: планета так близко к звезде, что та за миллиарды лет притормозила её вращение, и теперь одна сторона живёт в вечном полудне, а другая в вечной полуночи. В Академии нам показывали расчёты для таких миров у красных карликов, ещё с тех времён, когда люди только искали жизнь у Проксимы и в системе TRAPPIST-1. На дневной стороне кипят камни. На ночной замерзает воздух. А между ними, по кругу, тянется полоса сумерек, где солнце навсегда застыло у горизонта, и только там можно жить.

Ирида была именно такой. Мы садились на неё медленно, по спирали, и я полчаса не отрывался от иллюминатора. С орбиты она походила на глаз: белое, выжженное до блеска пятно дня, чёрная, в инее, ночь, и между ними тонкое кольцо, тёмно-зелёное, почти чёрное, с прожилками рек. Солнце у Ириды было маленькое, красное и злое.

— Растения тёмные, — сказал Сефир'Ал, стоя рядом. — Почти чёрные.

— Красный свет, — ответил я, вспоминая лекции. — Чтобы поймать его побольше, лист должен быть тёмным. У нас на Земле листья зелёные, потому что наше солнце светит иначе. Здесь зелёный цвет был бы расточительством.

Сефир'Ал посмотрел на меня с интересом.

— Вы много знаете для человека, которого выгнали.

— Меня выгнали не за незнание, — сказал я. — Меня выгнали за то, что я знал больше, чем хотелось профессору.

Это была правда, хотя и не вся. На четвёртом курсе мне дали перевести лиантарскую табличку из запасников Академии, и я перевёл её блестяще, а потом выяснилось, что половина «надписи» была пометками моего научного руководителя, сделанными лазерным карандашом лет двадцать назад. Пометки были на древнелиантарском, потому что он считал это остроумным. Я перевёл их дословно и вставил в отчёт. Отчёт читала комиссия. Среди прочего там было мнение профессора о декане, выраженное очень ёмко и совершенно непечатно, а декан, к несчастью, тоже читал по-лиантарски.

«Сорока» села на каменистую проплешину в полосе сумерек, у подножия холма, на котором, судя по карте с фигуры, находился узел. Дол остался на корабле. Мы вышли впятером: Фрида, Анна, Криста'Лин, Сефир'Ал и я. Щёлк оставил за собой камбуз и машинное отделение, сказав, что кто-то должен охранять обед от Пуговицы.

Пуговица, однако, вышла с нами. Вернее, вышла первой: прыгнула из шлюза, встала на все шесть лап, задрала уши и понюхала ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.